

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
УКРАИНСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Владимир
Малик

ТАЙНЫЙ ПОСОЛ

Тетралогия

КНИГА ПЕРВАЯ

Посол Урус-шайтана

КНИГА ВТОРАЯ

Фирман султана

Харьков
«Фолио»
2018

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДОРОГОЮ СЛЕЗ

1

По самому гребню горы двигались двое. Черные сторбленные фигуры четко вырисовывались на фоне холодного декабрьского неба. В тишине бескрайней степи под солнцем сверкал серебристый снежок, белым покрывалом укутывал землю, цеплялся за разлапистый сухой бурьян.

Замерзшая, вся в кочках, дорога неожиданно повернула вниз.

Высокий истощенный старик держался левой рукой за плечо подростка лет пятнадцати, а правой опирался на толстую суковатую клюку. Споткнувшись о замерзший ком земли, он чуть было не упал, но мальчик успел удержать. Большая торба из серого полотна, что болталась у старика за спиной, отлетела и стукнула по худому высохшему телу. Послышалось, как жалобно тренькнули струны.

— А, черт тебя подери, Яцько! — сердито пробурчал старик. — Ведешь меня по каким-то буграм и ухабам... Чего доброго, кобзу разобью и ноги поломаю.

— Не поломаешь, деда, — спокойно ответил мальчик, шмурыгая посиневшим от холода носом. — Уже недалеко... Вон и Сечь видно!

— Что ты мелешь? Как это — Сечь? Где?

— Да перед нами же!

— Правда?

Старик остановился и вытянул вперед голову на тонкой морщинистой шее, уставив в синий морозный простор глубокие черные провалы вместо глаз. Из них текли слезы.

В лицо повеяло ветром.

Старик вдруг тяжело задышал и больно вцепился костлявыми пальцами в плечо поводыря. Потом опустил на коле-

ни, сбросил кудлатую овечью шапку и склонил пепельно-седую голову в низком поклоне. Из груди вырвался не то стон, не то плач. Вскоре паренек услышал неразборчивое бормотание: старик, наверное, молился.

— Ну пошли же, деда! Не то и замерзнем тут, на этой горке... Насквозь продувает! — начал упрашивать паренек, втягивая голову в потертый воротник старой сермяги. — Нашел где молиться... Чай не в церкви!

Но старик словно не слышал этих слов. Вытер полою заплаканное лицо, встал и несколько раз вдохнул воздух, будто пробовал его вкус.

— И вправду Сечь! — промолвил глухо. — Пахнет дымом из кузни... Горячей окалиной несет... Кузнецы небось передержали железо в горне... И еще — печеным хлебом... Чуешь, Яцько?

Яцько промолчал. Только насмешливо покрутил головой: и придумает же такое старый! Окалина... Печеный хлеб... До Сечи верных пять верст еще! Намахнешься клюкой... Надышишься в заочневшие руки... Были бы рукавицы какие-никакие, то терпел бы как-нибудь. А так — хоть плачь! Кончики пальцев так замерзли — болят как отрубленные... А вокруг голая степь. Ветерок небольшой, но до костей пронизывает.

— Ну, чего ты молчишь? — рассердился старик. — Иль, может, обманул меня, разбойник, что Сечь уже видно? А? Посмеялся над слепым?

— Охота была, — буркнул Яцько. — Сам туда спешу, как к родной матушке.

— А, может, это и не Сечь? — допытывался старик. — Скажи мне, ты видишь там реку в лощине?

— Да говорю же — Сечь!.. Вон Днепро блестит на солнце молодым ледком... или водой — кто его разберет отсюда... Блестит, будто серебро!.. А на полуострове — крепость. Хорошо вижу высокие стены с острым частоколом. И башню над воротами... Не разберу только, что там в середине понастроено... Далеко. И ветер слезу нагоняет, чтоб ему пусто было!

Старик дрожал как в лихорадке.

— А церкву... церкву посреди крепости... видишь?

— Еще бы! Вон как блестит золочеными куполами!

— Это она! Мать наша, Сечь! — прошептал старик и направил пустые глазницы в ту сторону, где, как ему чудилось, стояла казацкая крепость. — Добрался-таки! Через двадцать пять годков, а добрался!.. Слепой, немощный, никчемный... Но помру среди своих, среди побратимов...

Его высокая худая фигура словно застыла на фоне синего неба. Старик чем-то походил на огромную птицу: и протянутая вперед, будто крыло, рука, и большой крючковатый нос, и тонкие ноги в белых холщовых штанах — точь-в-точь умирающая птица взобралась на скалу, чтобы с нее, с высоты птичьего полета, в последний раз взглянуть на родную землю, которую настало время покинуть.

— А перед крепостью что? Есть ли там слободка? — снова взволновался он.

— Есть. Вроде села — большая, красивая.

— И вправду Сечь! — Старик засуетился, заспешил и снова схватил узловатой рукой паренька за плечо. — Тогда пошли быстрее! Не мешкай! Пошли!.. Чтобы до захода солнца там быть...

Яцько подтянул лямку торбы, свисавшую чуть ли не до пят, стукнул клюкой по звонкой мерзлой земле, и они рысцой стали спускаться с горы.

2

Корней Метелица, высокий, дородный запорожец с длинным седым оселедцем¹ и золотой сережкой в правом ухе, отбивался сразу от троих — Секача, Товкача и Арсена Звенигоры. В каждой руке он держал по сабле и орудовал ими так умело, что молодцы, хотя и наседали на старого, с опаской поглядывали на синевато-стальные молнии сабель знаменитого на все Запорожье рубаки, даром что это лишь игра: одно неосторожное движение — и острое лезвие рассечет руку до кости, скользнет по темени.

Низкое зимнее солнце склонилось на запад, за высокие, с дубовым частоколом, валы крепости и слепило нападающих.

¹ О с е л е д е ц (укр.) — селедка, сельдь. У запорожцев так называлась длинная прядь волос (хохол), оставленная на темени бритой головы.

Хитрый Метелица намеренно ставил своих молодых противников в невыгодные условия. В бою все имеет значение: и умение выбрать время для нападения, и отступление — если понадобится, и обманный выпад, что подводит врага под удар, и местность, и освещение. Всем этим старый казачина пользовался с непревзойденной находчивостью, к тому же еще и подтрунивал над своими учениками.

— Секачик, подтяни штаны, не то потеряешь! Какой же, к чертям, из тебя казак без штанов? Да очкур завяжи покрепче!

Под смех и гогот казаков, толпившихся вокруг, Секач подернул левой рукой широкие красные шаровары и, уязвленный насмешкой, свирепо бросился вперед. Но мощный удар сразу охладил его пыл: сабля вылетела из руки и с лязгом упала на землю. Секач в растерянности остановился и стал скрести грубыми пальцами выбритый до блеска затылок.

А Метелица спуску не давал:

— Эй, Товкачик, чего разомлел, как лить в ущице? Поворачивайся живей, сучий сын! Будь казаком, а не квашней с тестом! — гаркнул он и плашмя огрел саблей по широкой спине неповоротливого крепыша.

Тот споткнулся, как спутанный конь, сплюнул и, вытирая рукавом вспотевший лоб, вышел из круга.

Остался один Звенигора.

Метелица сразу посерьезнел. Отбросил саблю, что держал в левой руке. На изборожденном морщинами и шрамами лице взбухли синие жилы. По всему видно, что с этим противником он считается.

В толпе тоже стал утихать шум: только теперь начиналась настоящая сабельная игра.

Звенигора с ходу ринулся в наступление — от его удара веером брызнули с сабель голубые искры.

Выше среднего роста, упругий и гибкий словно молодой дубок, с кучерявым темно-русым чубом вместо обычно принятого у запорожцев оселедца, — таким был этот молодец. Он разгорячен состязанием, его продолговатое, чисто выбритое лицо пылало ярким румянцем, а быстрые светло-серые глаза под выразительными размашистыми бровями блестели от озорного, разудалого восторга. Он с веселой улыбкой теснил старого казачину.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая ПОСОЛ УРУС-ШАЙТАНА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дорогою слез	5
На берегах Кызыл-Ирмака	46
Сель	90
Поражение	112
Фелюга в море	146

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Хижина у моря	153
Чернавода	179
Сафар-бей	193
Ненко	221
Снова в неволе	253

Книга вторая ФИРМАН СУЛТАНА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

На каторге	267
Мать и сын	293
Фирман	314

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Сестра	358
Неожиданное осложнение	382
Ответ запорожцев	412
Чигирин	440
Живем, брат!	489
Побоище в Сечи	498